

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
«МАТЬ» В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОЗЕ XIX ВЕКА**

**THE FUNCTIONING OF THE CONCEPT
«MOTHER» IN THE RUSSIAN PROSE TEXTS
OF THE XIX CENTURY**

Атрощенко Екатерина Олеговна
соискатель
*Северо-Кавказский федеральный университет,
Ставрополь, Россия*

Atroshchenko Ekaterina Olegovna
postgraduate student
*North-Caucasian Federal University, Stavropol,
Russia*

В статье представлен анализ лексических и фразеологических средств объективации лингвокультурного концепта «мать» в русских текстах художественной прозы XIX века. Также в статье определяется роль данного концепта в процессе формирования информационно-смыслового пространства художественного произведения

The article gives an analysis of lexical and phraseological means of objectification of linguocultural “mother” concept in Russian prose texts of the XIX century. The article also defines the role of this concept in the process of formation of information and semantic space of artistic works

Ключевые слова: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, КОНЦЕПТ «МАТЬ», ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, ЛЕКСЕМА, ФРАЗЕОЛОГИЗМ

Keywords: CULTURAL LINGUISTICS, “MOTHER” CONCEPT, LITERARY TEXT, LEXEM, IDIOM

Анализ концептов, формирующих художественный текст, занимает одно из центральных мест в современных лингвистических исследованиях. Материалом для интерпретации концептов могут служить литературные произведения выдающихся национальных писателей, в чьем творчестве наиболее полно и достоверно отражаются те или иные значимые этнокультурные понятия. Лингвистическая интерпретация индивидуально-авторского понимания концепта в художественном тексте открывает большие возможности для выявления общих особенностей национальных концептов.

В данной статье мы обратимся к исследованию репрезентации и функционирования концепта *мать* в текстах русской прозы XIX столетия, которые представляют собой признанный эталон национального литературного языка. Источником для исследования явились художественные тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [3].

Цель настоящего исследования – изучение особенностей языковых средств выражения концепта *мать* как актуализаторов различных видов

текстовой информации, формирующих произведение художественной литературы. Для достижения поставленной цели проведена систематизация языковых средств объективации концепта *мать* по уровням языка: морфологическому, лексическому, фразеологическому.

В русской лингвокультуре *мать* представляет собой таксонную лексему, номинирующую различные объекты и явления действительности, а также некоторые объекты мифологии, обладающие следующими признаками или их сочетаниями: 1) свойство женщины, 2) биологический феномен, 3) социальная роль, 4) номинация кровного и некровного родства, 5) сакральная номинация, 6) метафорическое наименование для различных объектов и явлений [1, 139-140].

Морфологический уровень объективации концепта *мать* участвует в текстообразовании, как правило, посредством такой доминирующей части речи, как имя существительное.

Лексический уровень объективации концепта *мать* представлен основным репрезентатом концепта – одноименной лексемой, а также ее многочисленными однокоренными производными и синонимом *родительница*. Наиболее распространены в текстах русской прозы XIX века лексемы *мать*, *мама*, *матушка*, *маменька*. Менее употребительны лексемы *мамуся*, *маманя* и *маман*. В большинстве контекстов лексема *мать* и ее производные являются антропонимом, обозначающим «женщину, имеющую ребенка». Отличает репрезентанты концепта их стилистическая принадлежность и ситуации употребления.

Так, лексема *мать* в большинстве контекстов представляет собой стилистически нейтральную единицу и используется как для номинации родной матери, так и любой женщины. Выбор лексемы *мать* подразумевает установление неких эмоциональных границ, нейтрального отношения к объекту, называемому этим словом.

Лексема *родительница* обладает похожими коннотациями, что и лексема *мать*, но в отличие от нее употребляется гораздо реже и носит оттенок почтительности, является названием особого статуса женщины, употребляется как официальное уважительное обращение к собственной или к чужой матери:

Увы, нежная родительница, там уже нет меня, где я был, там осталось только отрадное обо мне воспоминание... [А.А. Потехин. Виноватая (1868)].

Твоя родительница, извини, неправа; и я в жизнь уж теперь не поверю, чтоб Ажигина тебе изменила. [Г.П. Данилевский. Потемкин на Дунае (1876)].

Лексема *матушка* в рассмотренных текстах русской прозы XIX века обладает исключительно положительными коннотациями, и выбор данной единицы как для номинации собственной матери, так и любой женщины или неодушевленного объекта несет информацию о личностной оценке, близости, положительном отношении.

«Матушка, матушка!» — и упала в объятия к матери, которая и сама едва лишь тогда приходила в себя после долгого обморока. [А.А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на кавказских водах (1830)].

Бедная старушка, матушка его, совсем с ног сбилась. [О.М. Сомов. Сказки о кладах (1829)].

Кабы мы в кабак не ходили, откуда бы казна-матушка деньгами разжилась? [М.Е. Салтыков-Щедрин. Фантастическое отрезвление (1884)].

Кроме того, лексемы *мать* и *матушка*, в том числе в сочетании с именем собственным, могут означать своеобразный церковный статус: либо являться номинацией монахини, либо наставницы или почетной старицы в монастыре, либо номинацией супруги священника:

*Слезно стану молить **мать Манефу**, приняла бы меня во святую свою обитель, а по времени и ангелоподобного чина удостоила бы.* [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875-1881)].

*Через короткое время **Ольга Васильевна**, однако ж, заметила, что **мамушка-попадья** имеет на нее какое-то неудовольствие.* [М.Е. Салтыков-Щедрин. Мелочи жизни (1886-1887)].

Другие формы имени концепта, такие, как *мама, маменька, мамушка* имеют достаточно ограниченную сферу употребления в текстах. Так, лексема *маменька* используется только по отношению к кровной, биологической матери.

*Я подумал, что **мать** ни за что меня не отпустит, и так, только для пробы, спросил весьма нетвердым голосом: «Не позволите ли, **маменька**, и мне поехать за груздями?»* [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

Лексемы *мамушка* и *мама* номинируют в большинстве случаев женщину, не являющуюся родной матерью, но выполняющую те или иные функции, связанные с материнством (кормит, растит, защищает):

*Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена **мамушками**, нянюшками, подружками и санными девушками...* [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)].

*Хоть **мамы** эти, кои хаживали за детьми и были простые барские барыни, без просвещения, ... но они отнюдь у детей ни умов, ни сердец не портили.* [Ф.В. Ростопчин. Ох, французы! (1812)].

Материал показывает, что когнитивный компонент «кровное родство» не является абсолютно обязательным для концепта *мать* в русской лингвокультуре XIX века: матерью может называться любая женщина (а также одушевляемый субъект), обладающая определенными качествами, выполняющая определенные функции в жизни другого человека (людей), а именно: *воспитывает, кормит, учит, заботится* и

т.д. В этом случае актуализируется такой признак концепта как «социальная роль».

...жена вносит лучший порядок в дом - она хозяйка, мать, наставница детей. [И.А. Гончаров. Обломов (1859)].

Добросовестная мать всегда кормит сама. [В.П. Авенариус. Бродящие силы. Современная идиллия (1865)].

До сих пор им ни разу не приходилось оплакивать эту потерю, благодаря нежной заботливости, с какой воспитывала их мать. [А.Н. Анненская. Брат и сестра (1880)].

Но вместе с тем в русской лингвокультуре присутствует понимание того, что именно кровная мать является «настоящей», то есть рождение – первостепенное свойство матери.

Одна из них, по нечаянности, ребенка своего ночью и заспала, а как дело пришло к утру, — мать и чужая про живого ребенка говорят: «Это мой ребенок». Царь Соломон берет сейчас свой меч: «Хорошо, — говорит, — коли так, я разрублю вам его надвое... » Мать-то настоящая сейчас и откликнулась. «Ай нет, нет!» [А.Ф. Писемский. Батка (1861)].

Также в рассмотренных текстах прослеживается тенденция использования лексемы *мать* в нейтральных случаях номинации по отношению к чужой женщине-матери, и в то же время ее форм с аффиксами с ласкательным значением и функцией субъективной оценки – по отношению к родной, близкой матери говорящего.

Знаешь, матушка, если он умрет, его мать и тетку в богадельню возьмут, а жена и две дочери пойдут милостыню просить. [Н.Г. Гарин-Михайловский. Детство Темы (1892)].

Таким образом, репрезентаты концепта *мать*, использованные автором в тексте, несут определенную дополнительную прагматическую информацию об объекте, названном этим именем, отражающую отношение говорящего к называемому объекту, эмоциональную и

физическую дистанцию между ними. Лексемы, объективирующие в тексте концепт *мать*, включают экспрессивно-эмоциональную оценку, коннотации индивидуально-психологического плана и выполняют как коммуникативную, так и оценочную функцию.

Лексема *мать*, будучи термином родства, может употребляться также при определении символического, некровного родства, устанавливаемого посредством совершения определенных обрядов – свадебного или крестильного. Это также находит отражение в текстах художественной литературы XIX века.

Крестная мать ласкала меня и кормила сладостями. [А.В. Никитенко. Моя повесть о самом себе (1860-1877)].

Моя мать говорила своей свекрови: «Для чего вы, *матушка*, не изволите садиться кушать? [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

Посажённый отец и посажёная мать встретили их хлебом и солью, благословили иконами и посадили перед поставцем, на котором стояли суды и овощники. [А.Ф. Вельтман. Кощей бессмертный. Былина старого времени. (1833)].

Употребление некоторых лексем, в том числе центрального имени концепта – лексем *мать* по отношению также к приемной матери, к няне, воспитательнице, кормилице, крестной, чужой матери или просто любой женщине, ярко иллюстрирует способность концепта *мать* быть составляющим элементом концепта *женщина*.

Родительницами называет он не только старуху мать свою, но и тетку, и сестру, и хозяйку, и дочь: весь женский пол. [В.И. Даль. Уральский казак (1843)].

Также в русских текстах распространен мотив утраты матери, где отражается связь образа матери с образом смерти, восходящая к древним языческим культам матери-земли и почитания умерших предков. В

мотивах умирающей или умершей матери, материнской могилы как бы соединяются две ипостаси концепта *мать* – сакральный и обиходный: женщина-мать переходит из мира земного в мир предков, в мир горний. Но и после смерти, мать заботится о своих чадах, болеет за них, сопереживает им:

Маменьку-то свою пожалей: плачет она теперь, тяжело ее душе, ноет ее сердечко и в могиле. [И.Т. Кокорев. Саввушка (1847)].

В русских прозаических текстах распространено совместное употребление лексемы *мать* с лексемой *отец* в значении лексемы – гиперонима *родители*:

Под словом: мы, я разумею мать, отца и себя. [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)].

Лексемы *мать* и *отец* в текстах образуют семантическое целое, в котором подчеркнута дифференциация женского и мужского начала, их единство как родителей и противоположность по роли в семье и в жизни ребенка, по субъективному восприятию каждого родителя.

Кроме того, *мать* как термин кровного родства, наряду с единицами *отец*, *ребенок* и посредством связи с ними, а также как термин некровного родства, рассмотренный выше, входит в состав концепта *семья*.

На фразеологическом уровне в текстах русской прозы XIX века концепт *мать* представлен устойчивыми сочетаниями – идиомами и паремиями. В основе идиом лежит метафорический перенос черт, качеств и свойств матери на неодушевленные объекты и явления. Перенос этот осуществляется, как правило, по семе «порождение».

В первую очередь, концепт *мать* на уровне фразеологии является модификацией древней мифологемы *мать-земля* и *родина*, которая представлена такими устойчивыми словосочетаниями как *мать-(сыра)-земля*, *мать-природа*, *матушка Русь* и *Россия-матушка*, *Волга-матушка*,

Москва-матушка. Объединяющим признаком материнского начала является способность к порождению, воспроизведению, плодородие: мать-земля и рождает, и кормит.

Меня родила на свет мать сырая земля. [Н.П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)].

- Прощай, мать сыра земля, кормилица наша! — сказала она, не переставая креститься. [Д.В. Григорович. Переселенцы (1855-1856)].

По первоначалу-то я, значит, промышлял в Москве. Эх, Москва-матушка! [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Золотуха (1883)].

При этом, в сознании представителей русской лингвокультуры, утрачивая «материнские» признаки и качества, земля лишается и «звания» матери:

Да вдобавок и земля-то иногда не мать родная, а хуже мачехи, не дает никаких угодьев. [И.Т. Кокорев. Ярославцы в Москве (1849)].

Мать-земля как географическое пространство понимается как общая, единая мать для своих детей (народа), и у каждого народа она своя.

Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская! [П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)].

Таким образом, материнская метафора в отношении земли имеет два аспекта проявления: в одном случае земля – это стихия, природный феномен – *мать-сыра-земля*, близкий по биологическим функциям женщине-матери. В другом случае – земля представлена неким социально-территориальным маркером, объединяющим «своих» и отграничивающим от «чужих». В таком аспекте понимания актуализируются социальные функции материнского феномена, ее роль в семье. С этим же пониманием связана традиция уважения и почитания земли-матери как старшей в роду.

Таким образом, посредством апелляции к концепту *мать* концепты *земля* и *родина* персонифицируются, наделяются категорией одушевленности. Такой прием характерен преимущественно для текстов

поэтических и фольклорных, нежели для художественной прозы, но, тем не менее, давняя и прочная традиция обуславливает появление в прозаических текстах такого лингвокультурного признака концепта, как *мать-земля родная*. Метафора *мать* употребляется применительно к земле, родине, природе, городу, реке, то есть в текстах реализуется весь семантический потенциал концепта *мать* как мифологемы:

Я здесь не только матушки Волги, лужи порядочной не надеюсь увидеть. [Т.Г. Шевченко Художник. (1856)].

Матушка Сибирь вспоила, вскормила его и на ноги поставила. [Д.Н. Мамин-Сибиряк. «В худых душах» (1882)].

Когнитивные компоненты концепта *мать* «начало», «первоисточник», «высшая степень», на основе которых лексема *мать* также используется как метафора, тоже отражены в текстах художественной прозы XIX века, как правило, в прямой речи с целью придания ей образности, экспрессии:

В данном значении можно говорить о некоей устойчивой фразеологизированной схеме «неодушевленное существительное + *матушка (мать)*» со значением большой значимости, важности для чего (кого) - либо, первичности, где первый компонент может занимать практически любая лексема, в зависимости от контекста:

— *В гору идет ярмарка-матушка... Умножается народ!* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)].

- *Да ведь деревня-матушка тяжела на подъем...* [П.В. Засодимский. Черные вороны (Из деревенских летописей) (1886)].

- *Палка-матушка плачет по этим по добрым-то.* [А.И. Левитов.Бесприютный (1870)].

Можно выделить и одно устойчивое, регулярно воспроизводимое сочетание - *правда – матка (матушка, мать)*:

Все объясню, всю правду-матку открою, кто нас ошельмовал, какие иуды погубили и губят народ... [Н.Н. Златовратский. Город рабочих (1885)].

Метафорические сочетания, включающие лексемы, которые репрезентируют концепт *мать*, носят в текстах и системе языка в целом устойчивый характер, легко воспроизводятся и воспринимаются носителями русской лингвокультуры. По структуре они представляют собой идиомы, согласно классификации Н.М. Шанского [2, 61].

Паремии, объективирующие концепт *мать*, также выполняют функцию придания тексту большей образности, яркости, экспрессии, используются как сентенции, заимствованные из народной мудрости, житейского векового опыта:

Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает. [Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)].

— *Уж видно нет, Санька, на свете такого дружка, как родимая матушка...* [И.В. Омулевский. Шаг за шагом (1870)].

Некоторые фразеологические единицы, включающие лексемы – репрезентаты концепта *мать*, выполняют в тексте функцию образных эвфемизмов:

Стою я раз на станции на платформе, смотрю, идет оборвыш, чуть не в чем мать родила. [Г.И. Успенский. На минутку (1888)].

Материно молоко на губах не обсохло, а они в кабак. [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)].

Единица *материнское молоко на губах не обсохло* означает «слишком молод для чего-либо», *в чем мать родила* - «голый, без одежды».

Языковые средства фразеологического уровня, объективирующие концепт *мать*, обогащают текст образностью, экспрессией, привносят игровой элемент или имитируют живую народную речь. Широкая

представленность концепта в паремиях, традиционно славянский дуализм образа свидетельствует о длительности существования данного концепта и о его лингвистических возможностях как традиционного русского национального лингвокультурного концепта.

Итак, концепт *мать* в русской прозе XIX века ярко представлен в разножанровых произведениях с помощью различных лексем, словосочетаний, фразеологических единиц.

Данный концепт в текстах выступает как биполярный, с преобладанием положительных коннотаций, что выражается в позитивной эстетической оценке художественного денотата. Эта оценка эксплицируется атрибутивными характеристиками объекта, обладающими положительными оттенками значения (добрая, милая, родимая, нежная, любезная и др.), и также синтагматическими отношениями лексем, объективирующих концепт, с предикатами, отражающими отношение к матери (любить, помнить, молиться и др.).

Неположительные коннотации, свойственные концепту и отраженные в русской прозе XIX века, связаны с характерным для русской культуры пониманием материнства как испытания, материнской любви как любви жертвенной, скорбной, а также с образами умершей, умирающей матери, могилой матери, восходящими к языческой традиции.

В процессе текстообразования концепт *мать* участвует как имплицитно, так и эксплицитно, что подтверждает узнаваемость данного феномена на лингвоментальном уровне – национальном, групповом и индивидуальном. Концепт выступает в качестве символа, метафоры, а также обладает свойством участвовать в формировании и дополнении других концептов посредством семантики собственных элементов: например, составные элементы исследуемого концепта *мать* входят в состав концептов *семья*, *женщина*, *земля* и *родина*.

Концепт *мать* представляется в текстах художественной прозы богатым источником культурной информации, имеющей различные способы выражения. Содержательно-концептуальная информация единиц, объективирующих концепт в текстах, является лингвистически оформленным сообщением реципиенту о связях психологического, эстетического, культурного и социального аспектов. Textoобразующая роль концепта *мать* реализуется в различных типах информации и организует прагматическую, ценностно-этическую и эстетическую установку художественного текста. Это подтверждает наличие корреляции между уровнем языка, элементами культурного кода и ментальным представлением о материнском феномене в русском национальном сознании.

Список литературы:

1. Атрощенко Е.О. Концепт «мать» в русской лингвокультуре XVIII – XIX вв. / Е.О. Атрощенко // Вестник ПГЛУ. - Пятигорск: ПГЛУ, 2012. №3. С.137-140.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985.–160 с.
3. Национальный корпус русского языка.- <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 18.01.2014).

References

1. Atroshhenko E.O. Koncept «mat'» v russkoj lingvokul'ture XVIII – XIX vv. / E.O. Atroshhenko // Vestnik PGLU. - Pjatigorsk: PGLU, 2012. №3. S.137-140.
2. Shanskij N. M. Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka. – M.: Vysshaja shkola, 1985.–160 s.
3. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka.- <http://www.ruscorpora.ru/> (data obrashhenija – 18.01.2014).